
РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Кузнецов А.В. (Москва)

РИСКИ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ «МОЗАИКИ» В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ¹

Kuznetsov A.V.

RISKS OF ETHNO-CULTURAL “MOSAICS” IN THE EUROPEAN UNION

Аннотация. В статье на региональном уровне анализируются разные риски этнокультурной «мозаики» в ЕС. Рассмотрено влияние Шотландии, Каталонии, других регионов с выраженной этнокультурной идентичностью на развитие ЕС. Исследованы также другие риски, вызванные наличием в ЕС традиционных языковых и культурных барьеров. Особое внимание уделено последствиям трансграничных миграций, включая неконтролируемые потоки из Северной Африки и Ближнего Востока.

Abstract. Different risks of ethno-cultural “mosaics” in the EU are analyzed on the regional level. Influence of Scotland, Catalonia and other regions with distinct ethno-cultural identity on the EU development is studied. Other risks of traditional language and cultural barriers in the EU are also investigated. Special attention is paid to consequences of trans-border migrations, including uncontrolled flows from North Africa and Middle East.

Ключевые слова: Европейский Союз, этнические меньшинства, международные миграции, беженцы, языковые барьеры, внедрение ислама в европейскую культуру, этнокультурные конфликты, сепаратизм, ирредентизм.

Key words: European Union, ethnic minorities, international migrations, refugees, language barriers, Islam implementation in European culture, ethno-cultural conflicts, separatism, irredentism.

Введение. Европейский Союз (ЕС) благодаря довольно успешному развитию региональной интеграции стал одним из ведущих мировых центров силы, причем в отличие от США или Китая транснациональным по характеру. Несмотря на постоянно возникающие между странами ЕС противоречия по тому или иному вопросу дальнейшего развития интеграционной группировки (что наиболее отчетливо проявилось в условиях долгового кризиса в Греции и ряде других стран зоны евро), до последнего времени государствам-членам удавалось приходить к консенсусу при решении ключевых проблем. В этой связи показательна «война санкций» с Россией, на которую пошли все участники ЕС даже при понимании неизбежности ощущимого экономического урона для нескольких стран-членов.

Вместе с тем для устойчивости европейского интеграционного проекта сохраняются

серьезные угрозы, важнейшая из которых связана с этнокультурной «мозаичностью» стран ЕС. Такая «мозаичность» в ЕС лишь усиливается вследствие роста самосознания традиционных этнических меньшинств европейских государств, а также все более мощного потока иммигрантов, часто представляющих собой носителей совершенно других культурных традиций. При этом, как будет показано ниже, обычно в научной литературе вопросы культурного, языкового, религиозного разнообразия, а также соответствующие направления государственной политики рассматриваются или на уровне ЕС в целом и его отдельных стран-членов, или на примерах конкретных локальных проблем. Мы же попытались рассмотреть региональное измерение рисков этнокультурной «мозаики» в ЕС, то есть представить общие выводы из анализа на уровне регионов и городов стран-членов.

¹ Исследование выполнено по Программе Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН №IV.10.1 «Дисбалансы современного миропорядка и Россия» (проект «Межрегиональные контрасты внутри крупных мировых центров силы: ЕС, США, Китай, Индия»).

В первой части статьи рассмотрены риски для устойчивости развития ЕС, связанные с наличием в его составе регионов с ярко выраженной этнокультурной идентичностью, таких как Шотландия или Каталония. Вторая часть посвящена другим имеющим региональное измерение рискам, связанным с языковыми и культурными барьерами между традиционным населением стран-членов ЕС, включая миграции внутри интеграционной группировки. В третьей части показана неравномерность присутствия внешних для ЕС мигрантов в отдельных странах-членах, их регионах и городах, а также связанные с этим проблемы. Наконец, в четвертой части представлены основные риски, вызванные неуправляемостью миграционных потоков в ЕС на современном этапе, в том числе вследствие наплыва беженцев после активизации военных действий в Северной Африке и на Ближнем Востоке.

1. Сепаратизм европейских регионов.

По своей сути ЕС – интеграционное объединение равных по статусу государств. Страны-члены передали часть суверенитета на наднациональный уровень, но субнациональный уровень в ЕС по-прежнему лишен сколько-нибудь существенных полномочий – идея «Европы регионов» провалилась. В институциональной структуре ЕС созданный в 1994 г. Комитет регионов играет лишь консультативную роль при основных институтах, причем по ограниченному кругу вопросов. Хотя Комитет регионов призван расширить представительство интересов местных и региональных властей на уровне ЕС, в нем нет прямого представительства всех регионов.

В ЕС создана единая трехуровневая система регионов NUTS (Nomenclature of Territorial Units for Statistics), которая в значительной мере опирается на сложившиеся в странах-членах системы административно-территориального деления. Вместе с тем система NUTS предназначена главным образом для сбора сопоставимой статистики в региональном разрезе, а также проведения региональной (на уровне NUTS-2) и других направлений наднациональной политики ЕС, связанных с ассигнованиями из структурных фондов [25]. В основном же взаимоотношения регионов с центральными (федеральными) правительствами определяются на уровне стран-членов.

С большим трудом в ЕС формируется общееевропейская идентичность, однако в свойственной европейцам множественной территориальной идентичности (например, житель Нюрнберга / франконец – житель исторической области / баварец – житель субъекта федерации / немец / житель ЕС) ассоциация с гражданством ЕС находится на втором плане. Не случайно, на выборах в Европарламент и политики, и избиратели обычно продолжают ориентироваться на повестку национального уровня, даже если ключевые проблемы в принципе не могут решаться на наднациональном уровне [6]. Не возникла единая общность населения и в приграничных районах в рамках так называемых еврорегионов, хотя в их пределах успешно реализуются трансграничные транспортные и культурные проекты, интенсивно развиваются маятниковые трудовые миграции и деловые контакты малого и среднего бизнеса.

В результате в Европе возникла парадоксальная ситуация – крупные регионы с выраженной этнокультурной идентичностью, нередко обладающие государственностью (как субъекты федераций) имеют намного меньше политического влияния, нежели самые маленькие страны-члены ЕС. При этом по экономическому весу благодаря емкому внутреннему рынку и конкурентоспособной экономике такие регионы часто многократно превосходит малые страны ЕС. Поскольку углубление интеграции в ЕС не размыло национальные государства, о чем многие эксперты думали в 1980–1990-е годы, для некоторых регионов NUTS-1 (реже NUTS-2) сохранился вопрос повышения своего значения в процессах европейской интеграции, который легче всего выразить в сепаратистской риторике.

Для примера мы сравнили с пятью самыми маленькими странами ЕС пять регионов NUTS-1 с явными настроениями автономизации (см. табл. 1). Так, в 20–30 раз обгоняет Эстонию, Латвию или Кипр по масштабам экономики Свободное государство Бавария, которая, будучи членом ФРГ, так и не подписала Основной закон страны. По числу жителей превосходит на порядок некоторые страны ЕС регион NUTS-1 Восток Испании, населенный носителями каталанского языка (его ядром выступает Автономное сообщество Каталония, неу-

Таблица 1
Сравнение ряда крупнейших регионов NUTS-1 с малыми странами-членами ЕС

Регион NUTS-1	Население, млн чел., 1 января 2014	ВВП, млн евро, 2013	Страна ЕС	Население млн чел., 1 января 2014	ВВП, млн евро, 2013
Восток Испании (Каталония, Валенсия, Балеарские острова)	13,59	321	Латвия	2,00	23
Бавария (Германия)	12,60	504	Эстония	1,32	19
Северо-Восток Италии (Больцано, Тренто, Венето, Фриули-Венеция-Джулия, Эмилия-Романья)	11,65	364	Кипр	0,86	18
Фландрисия (Бельгия)	6,43	230	Люксембург	0,55	45
Шотландия (Великобритания)	5,34	155	Мальта	0,43	8

Источник: статистика Евростата (<http://ec.europa.eu/eurostat/web/regions/data/database>).

клонно стремящееся к независимости). При этом Каталония, Валенсия и Балеарские острова – регионы NUTS-2, но именно для них в Испании предусмотрена автономия, включая получение официального статуса каталанским языком, входящим в 15 самых распространенных в ЕС языков [10].

В основе нарастающих сепаратистских настроений обычно лежат экономические мотивы. Иллюстрациями служат опережающее развитие Фландрисии по сравнению с франкоязычной старопромышленной Валлонией в Бельгии или начало масштабной нефтедобычи на шельфе наряду с развитием электронной промышленности и сектора финансовых услуг в Шотландии. Вместе с тем экономические соображения легко окрашиваются политиками в этнокультурные тона. В качестве аргументов используется апелляция к истории (вплоть до возрождения почти исчезнувшего языка), которая среди прочего находит материальное выражение в развитии традиционных ремесел на фоне вывода обычных промышленных предприятий из этих регионов в развивающиеся страны. Однако экономические и другие доводы за пределами историко-культурного контекста одновременно сдерживают часть населения от принятия решения о независимости.

Риски, связанные с возможным достижением такими регионами независимости, распространяются далеко за пределы страны, чья территориальная целостность оказывается под угрозой. Например, даже предоставление лишь широкой автономии Шотландии после того, как в 2015 г. 55% избирателей высказались за сохранение региона в составе Великобритании, поднимает «англий-

ский вопрос» – право шотландцев участвовать в политических решениях, затрагивающих только Англию, а также более общие проблемы деволюции власти в английских регионах [13]. При этом размежевание Шотландии и Англии будет нарастать, а при возможном желании англичан на референдуме 2017 г. заявить о выходе из ЕС Шотландия вновь поставит вопрос об отделении. Распад Соединенного Королевства может означать и сложности для НАТО, поскольку Шотландия выступает за безъядерный статус [2], и пересмотр тесных взаимоотношений всего ЕС с США, и даже конец британской монархии.

Независимость Каталонии, движение к которой также имеет длинную историю [3, 4], создаст для ЕС ряд проблем. Во-первых, выход региона из состава страны-члена не означает его автоматический прием в ЕС (более того, Испания может заблокировать вступление Каталонии). Во-вторых, пример Каталонии спровоцирует «эффект домино» как в Испании, где Страна Басков – еще один кандидат на независимость, так и в других странах. В-третьих, независимость Каталонии повысит статус каталанского языка, который получит литературную норму. До сих пор идут споры, является ли валенсийский язык диалектом каталанского. Используемые несколькими миллионами человек на юге Франции окситанские наречия пока филологами рассматриваются отдельно, но в рамках единой с каталанским окситано-романской подгруппы языков. Повышение статуса каталанского может привести к росту национального самосознания в прилегающих районах Франции. Напрашивается аналогия с множеством берберских языков, среди которых наречие тама-

зигхт после придания ему стандартизированной формы получило статус второго официального языка Марокко в 2011 г. [5].

Самую большую проблему для ЕС может создать независимость Фландрии. Фактически уже в ходе федерализации Бельгии произошел раскол страны, что косвенно подтверждает успешное функционирование государства больше года (в 2010–2011 гг.) без правительства – целостность удерживается благодаря наличию двуязычного столичного Брюсселя как самостоятельного субъекта федерации и расположения Бельгии в центре ЕС [8, 20]. При этом языковые сообщества имеют собственные системы образования и правительства (вернее в стране правительства есть у регионов Валлония и Брюссель, франкоязычного и немецкоязычного сообществ, а Фландрия и нидерландоязычное сообщество создали свое объединенное правительство), даже воинские части формируются по языковому принципу. Фландрия и Валлония в качестве государственных языков используют только соответственно нидерландский и французский (что в Валлонии означает среди прочего типичное изучение в школе в качестве двух неродных языков английского и немецкого, а не нидерландского). В Бельгии есть две академии наук и т.д. Если мирный развод Бельгии по образцу Чехословакии все-таки состоится, это создаст в центре ЕС, по сути в стране-символе интеграции, два не слишком жизнеспособных в экономическом отношении государства, что породит проблемы для соседних с ними Нидерландов и Франции.

Наименее продвинулась к идеи независимости Северная Италия – пока даже не ясны пространственные границы возможного сепаратизма (например, вся Падания, только Северо-Восточная Италия или лишь область Венето, аппелирующая к истории Венецианской Республики), что не мешает националистическим силам повышать свою популярность. Если одна из крупнейших стран ЕС, причем ее основательница, будет вынуждена в ближайшие десятилетия перейти по меньшей мере к федерализации (ряд автономных регионов в стране уже создан), это поставит под вопрос весь европейский проект конца XIX – первой половины XX веков по построению национальных государств. Многие латентные проблемы сепаратизма и приграничных споров могут стать реальностью –

будь то Корсика, итальяно-французская и итальяно-австрийская границы, равно как и территориальные споры в Центрально-Восточной Европе.

2. Другие этнокультурные противоречия в ЕС. Этнокультурные противоречия в ЕС, связанные с традиционным населением (под которым мы понимаем народы, жившие на территории стран в момент их присоединения к ЕС), не исчerpываются региональным сепаратизмом. Одна из самых сложных проблем – цыгане. По разным оценкам, их в странах ЕС от 6 до 12 млн чел., причем это самое дискриминируемое национальное меньшинство. Вместе с тем европейские эксперты считают проблему цыган больше социальной, нежели этнической [18]. По сути, придерживаясь традиционного стиля жизни, цыгане не могут вписаться в европейское постиндустриальное общество. При этом, однако, существует немало примеров недобросовестной эксплуатации цыганами достижений социального государства в ЕС, что вызывает отторжение остального населения [9].

Повсеместно в ЕС продолжается борьба культурных меньшинств за автономию под флагом языка, которая не преследует цели создания самостоятельного государства, а часто даже автономного региона. Защита языков с небольшим числом носителей в ЕС нацелена на официальные языки стран-членов, тогда как защита региональных языков носит в основном декларативный характер в отличие, например, от ЮАР или России, где возможности преподавания и конкретная практика официального употребления языков малых народов довольно подробно прописаны в законодательстве. Не случайно, в XX веке почти ассимилировали многие малые народы – бретонцы во Франции, корнцы (носители корнуэльского языка) в Великобритании, сорбы-лужичане в ФРГ, русины-лемки в Польше и др. При этом не все члены ЕС подписали и ратифицировали Европейскую хартию региональных языков или языков меньшинств, принятую Советом Европы в 1992 г. Поскольку страна-участник сама определяет перечень защищаемых языков, исключая диалекты государственного языка, языки мигрантов и «нетерриториальные языки», это допускает весьма широкие трактовки [10]. Например,

силезцы в Польше или эльзасцы во Франции не удовлетворены своим нынешним положением. Однако есть и примеры успешного решения проблем национальных меньшинств – шведы получили автономию на Аландских островах Финляндии, а датской национальной партии (Союзу южношлезвигских избирателей) законом гарантированы места в парламенте северогерманской земли Шлезвиг-Гольштейн.

Еще одна проблема связана с ирредентизмом, который обычно сочетается с непризнанием за народом соседней страны статуса национального меньшинства. Наиболее сложными считаются проблемы компактно проживающих венгров в Румынии и Словакии и русских в Латвии и Эстонии. В 2000-е годы эксперты стали говорить о переходе Венгрии и России от ирредентизма к политике взаимодействия со своими соотечественниками как представителями диаспор [27], однако воссоединение Крыма с Российской Федерацией порождает в ЕС новые фобии. При этом на данный момент для ЕС самым острым остается вопрос турецкого ирредентизма, поскольку Республика Кипр входит в интеграционную группировку только территорией, на которой проживают греки-киприоты. По мере расширения ЕС за счет республик бывшей Югославии может обостриться проблема сербского ирредентизма.

Наконец, новой проблемой для ЕС стали так называемые трудовые диаспоры [17], в том числе коренных этносов стран-членов. Так, по данным Евростата, в 2011 г. за пределами родной страны проживало 1,5 млн уроженцев Польши (из них 675 тыс. чел. в Великобритании, 390 тыс. в Германии, 85 тыс. в Италии, 57 тыс. в Испании и 50 тыс. в Бельгии). В другие страны ЕС уехали 1,3 млн родившихся в Италии (из них 589 тыс. чел. осели в Германии, 173 тыс. во Франции, 170 тыс. в Испании, 165 тыс. в Великобритании и 163 тыс. в Бельгии). Максимальный исход населения наблюдался из 10-миллионной Португалии – почти 1 млн соотечественников бывшего главы Еврокомиссии Ж.М. Баррозу переехали в другие страны ЕС: 500 тыс. чел. осели во Франции, 129 тыс. в Великобритании, 121 тыс. в Германии, 103 тыс. в Испании и 82 тыс. в Люксембурге (каждый 6-й житель). Новую диаспору формируют болгары, которых уехало из страны почти 0,5 млн чел. По количеству живущих

за рубежом внутри ЕС лидировала Румыния (свыше 2 млн чел.), но в отличие от названных стран миграционный поток был в этническом плане не однороден из-за цыган.

На этом фоне религиозное противостояние в среде традиционного населения ЕС отходит на второй план. Внимания заслуживают лишь бытовой антисемитизм и тлеющий конфликт католиков и протестантов в Северной Ирландии (хотя при распаде Великобритании он может обостриться при ирредентистских шагах Республики Ирландия). Однако падение авторитета христианских Церквей, их неспособность адекватно реагировать на вызовы глобализации создают в долгосрочном плане почву для новых конфликтов – но уже с участием мигрантов, часто исповедующих ислам.

3. Различное значение внешних мигрантов в странах и регионах ЕС. Внешние мигранты распределяются по странам ЕС очень неравномерно. При этом разные государства оказываются центром притяжения различных этнических групп. Турки, а с 90-х годов и боснийцы устремились в Германию и Австрию, основной поток албанцев направляется в Грецию и Италию, украинцев и молдаван – в Италию и Испанию. Выходцы из Марокко (к которым скорее всего причисляют и африканцев, использующих эту страну лишь как перевалочную базу [1]) в силу их многочисленности размещаются как в соседней Испании, так и во франкоязычных Франции и Бельгии, а также Италии. Для алжирцев и выходцев из бывших французских колоний в Тропической Африке наиболее привлекательной остается Франция, для жителей Индии и других стран Содружества – Великобритания и т.д. (см. табл. 2).

Иностранцы не распределяются по территории ЕС равномерно. Точная статистика в странах ЕС не ведется, поскольку значительная часть мигрантов получает гражданство (причем далеко не всегда происходит их интеграция в местную культурную среду, хотя есть и процессы возвращения на историческую родину немцев, голландцев, шведов, греков). В то же время гражданства, в частности, не имеют многие коренные жители – представители русского меньшинства в Латвии и Эстонии. Наиболее полную картину представляют результаты переписи, в которых отражаются страны,

Таблица 2

Распределение выходцев из разных стран в 2011 г., %

Страна рождения	ЕС-28	Германия	Испания	Великобритания	Италия	Франция	Бельгия	Австрия	Греция
Всего родились за рубежом, млн чел.	31,7	6,0	5,2	5,1	4,0	3,8	1,2	0,9	0,9
Другие в ЕС	41,0	41,5	37,2	57,0	27,5	35,1	65,0	39,8	22,0
Турция	6,4	25,4	0,0	0,6	0,4	5,8	3,5	12,1	0,6
Албания	3,0	0,1	0,0	0,1	11,2	0,1	0,5	0,2	53,1
Украина	2,0	1,8	1,5	0,2	4,4	0,2	0,3	0,7	1,9
Россия	1,9	2,9	0,9	0,4	0,7	0,9	1,6	2,8	1,5
Сербия	1,1	1,4	0,1	0,0	1,1	1,2	0,5	13,1	0,4
Босния и Герцеговина	1,1	2,3	0,0	0,0	0,7	0,2	0,2	9,4	0,0
Молдавия	0,6	0,2	0,4	0,0	3,2	0,1	0,1	0,1	1,1
Прочие в Европе	2,1	2,0	0,8	0,8	2,3	1,4	1,0	3,1	1,2
Марокко	5,5	0,9	14,4	0,1	10,1	11,4	7,4	0,1	0,2
Алжир	1,8	0,2	0,8	0,2	0,5	12,2	0,9	0,1	0,1
Тунис	0,8	0,3	0,0	0,0	2,0	3,8	0,4	0,2	0,1
Нигерия	0,8	0,2	0,5	2,5	1,2	0,1	0,3	0,6	0,4
Сенегал	0,6	0,0	0,9	0,0	1,8	1,3	0,2	0,0	0,1
Прочие в Африке	5,2	1,9	1,9	6,7	5,4	11,5	6,7	1,5	0,1
Китай	2,1	1,0	1,7	2,6	4,8	2,2	0,9	1,0	0,4
Индия	1,9	0,6	0,5	6,7	2,9	0,4	0,7	0,7	1,2
Пакистан	1,2	0,4	0,7	3,2	1,7	0,4	0,4	0,3	3,8
Филиппины	0,9	0,3	0,5	1,3	3,2	0,3	0,3	0,5	1,1
Шри-Ланка	0,6	0,3	0,0	1,0	1,8	0,8	0,1	0,0	0,1
Ирак	0,6	1,1	0,0	0,5	0,0	0,1	0,6	0,3	0,4
Вьетнам	0,6	1,3	0,0	0,1	0,0	0,5	0,1	0,1	0,0
Прочие в Азии и Океании	7,9	11,2	1,4	9,6	5	4	5,5	11,5	9,2
Эквадор	1,5	0,1	7,0	0,1	2,0	0,1	0,3	0,0	0,0
США	1,2	1,2	0,7	2,8	0,3	0,8	1,0	0,7	0,6
Колумбия	1,2	0,1	6,3	0,2	0,4	0,3	0,1	0,1	0,0
Бразилия	1,1	0,4	1,6	0,6	0,9	1,0	0,5	0,3	0,1
Перу	0,8	0,1	2,9	0,1	2,3	0,1	0,1	0,1	0,0
Боливия	0,7	0,0	3,6	0,0	0,3	0,0	0,0	0,0	0,0
Аргентина	0,6	0,1	3,4	0,1	0,2	0,1	0,0	0,0	0,0
Прочие в Америке	3,2	0,7	10,3	2,5	1,7	3,6	0,8	0,6	0,3

Источник: статистика Евростата на основе последних переписей населения (<http://ec.europa.eu/eurostat/web/> regions/data/database).

где родились респонденты. Однако данные переписи, например, в Германии занизили число иностранцев по сравнению с текущим полицейским учетом более чем на 1/5 (почти 1,5 млн чел.).

В целом по ЕС доля мигрантов не достигает даже 7%, причем 2/5 – жители других стран ЕС. Однако в нескольких крупнейших

городах иностранцы составляют свыше 30% всех жителей – в Брюсселе, Лондоне и Вене. Из менее крупных городов выделяются Люксембург, Роттердам, пригород Франкфуртана-Майне Оффенбах, шведский Мальмё и некоторые другие. Отдельные кварталы самых разных европейских городов превращаются по сути в мигрантские гетто.

Наиболее сложная и при этом сравнительно новая для ЕС проблема – интеграция в общество мигрантов, исповедующих ислам [12, 14, 17]. При этом трудности адаптации связаны далеко не только с религиозными различиями – турецкие, арабские и другие мусульманские мигранты зачастую плохо владеют государственным языком и имеют невысокий образовательный уровень, а их дети в итоге имеют низкие по сравнению с местными жителями стартовые условия. Вместе с тем в традиционно христианских странах есть объективные барьеры для создания равных институциональных условий при обеспечении свободы вероисповедания – например, в Германии существует «церковный налог», из которого субсидируется строительство христианских церквей и синагог, а в школах есть элементы религиозного обучения, но в учебные планы очень медленно внедряются уроки об исламе.

Как показывают эконометрические исследования, приток внешних мигрантов дает позитивный эффект для роста ВВП регионов, где они концентрируются [21]. Правда, не исключено, что мигранты едут в самые динамичные регионы и своим присутствием тормозят их экономическое развитие. Например, в Германии больше всего турок в Берлине, Гамбурге, Дуйсбурге и Франкфурте-на-Майне. К тому же нельзя недоучитывать неэкономические последствия наплыва мигрантов – создается почва для экстремизма, растет число конфликтов между самими мигрантами за сферы влияния (в частности, можно вспомнить индо-пакистанское и арабо-турецкое противостояние в некоторых городах в ЕС). Лишь недавно в ЕС пришло осознание того, что из-за культурных и экономических барьеров мигрантам не хватает институционализированных каналов решения споров, что выводит проблему интеграции мигрантов из экономической и даже социокультурной плоскостей в сферу обеспечения безопасности [22].

Реагируя на события последних лет, в том числе трагические последствия нерегулируемого наплыва нелегальных мигрантов из Северной Африки, ЕС начал совершенствовать общую миграционную политику [11, 24]. Однако неэффективность этой политики уже в 1990-е годы привела к заметному росту негативного отношения жителей ЕС к иностранцам, прежде всего в регионах их кон-

центрации, особенно при прямой конкуренции с местным населением за рабочие места [19]. На этом фоне происходит усиление популярности националистических партий в Европе, причем этому способствует также кризис традиционных партий, отсутствие в старой партийной системе ярких лидеров [6].

4. Риски неуправляемости миграционных потоков в ЕС. Сложность 2000-х годов для ЕС связана с тем, что для интеграционной группировки наступил принципиально новый период миграции – на смену регулируемому процессу трудовых миграций, который в 1990-е годы дополнился небольшими потоками претендентов на политическое убежище и беженцами, в последние годы пришел неуправляемый процесс. Даже по линии формально трудовой миграции приезжают не гастарбайтеры, желающие заработать и вернуться домой, а низкоквалифицированные работники, с которыми затем воссоединяются их семьи. В результате в ЕС растет безработица, увеличивается нагрузка на социальную сферу, а в секторах, где мигранты без должной квалификации все-таки заняли рабочие места, падает качество товаров и услуг. При этом развитие глобализации создает больше возможностей для жителей развивающихся стран узнать о возможностях труда в ЕС, а затем осуществить иммиграцию. Кроме того, в последние годы значительная часть трудовых мигрантов пытается проникнуть в ЕС под видом беженцев. При этом речь идет не только об арабских странах, охваченных боевыми действиями, но и о Тропической Африке, из которой раньше многие мигранты предпочитали выезжать на заработки в нефтедобывающие страны Северной Африки и Персидского залива [1].

К основным причинам провала миграционной политики отдельных стран-членов (будь то политика ФРГ в отношении гастарбайтеров в 1955–1973 гг. или политика в отношении жителей бывших колоний у Франции, Нидерландов и Великобритании) относится краткосрочное экономическое и политическое целеполагание, не учитывающее социальную природу трансграничных миграций. Например, молодые трудовые мигранты рассматривались в ЕС как лица, стремящиеся максимизировать свои заработки, а на самом деле использо-

вались своими семьями как начальное звено иммиграционной цепочки. В результате создававшиеся на пути мигрантов препятствия расценивались последними не как сигнал к отказу от переезда в ЕС, а лишь как дополнительные барьеры (причем для помощи в их преодолении сформировалась целая нелегальная отрасль). Связанная с выполнением нормальных социальных обязательств интеграция детей трудовых мигрантов в местную образовательную систему резко сокращала стимулы возврата на родину. Имело место также расхождение декларируемых целей миграционной политики с конкретными ориентирами, которые политики боялись обнародовать. В частности, речь идет о группах интересов, которые лobbировали привлечение иностранной дешевой рабочей силы в ряд отраслей экономики стран ЕС. Дополнительные сложности для миграционной политики в странах-членах составляла необходимость соблюдать права человека [16]. Показателен пример Швеции, которая в отличие от многих других стран ЕС по-прежнему предоставляет языковые курсы и другие программы адаптации на добровольной основе (в итоге невыполнение разного рода тестов мигрантами не влечет за собой санкций). Считается, что реализуемая с 1965 г. политика вполне себя оправдала, однако в действительности оценка проводится лишь по динамике трудоустройства мигрантов, тогда как более половины слушателей языковых курсов их не заканчивают [28].

В 2015 г. очередное обострение вооруженного противостояния в арабских странах привело к небывалому наплыву беженцев в ЕС, когда инфраструктура по их приему в отдельных регионах государств-членов оказалась перегружена. По данным Евростата, за первое полугодие 2015 г. только официально за убежищем обратились 399 тыс. чел. В целом с учетом ранее прибывших беженцев решения о предоставлении убежища ожидали 592 тыс., что было на 62% больше показателей лета 2014 г. При этом в Германии сосредоточились 306 тыс. чел., в том числе 154 тыс. прибывших в 2015 г. (в основном в Баварии). В первом полугодии 2015 г. из расчета на душу населения максимальный поток пришелся на Венгрию (туда прибыли за убежищем 65,5 тыс. чел.), Австрию (27 тыс.) и Швецию (26 тыс.). По абсолютным масштабам выделялись Италия и Фран-

ция. В целом по ЕС среди просителей убежища на первых местах находились жители Сирии, Афганистана и Албании (наличие последней страны остро поставило вопрос об адекватности критериев ЕС о предоставлении политического убежища). При этом в Италии три основных категории просителей убежища составляли жители Нигерии, Гамбии и Пакистана [23].

Для ЕС опасность, исходящая от слабо регулируемых потоков мигрантов, кроется среди прочего в нарастании бесконтрольного оборота наркотиков и повышении угрозы терроризма. При этом слабо адаптированные к общественной жизни в ЕС мигранты иногда легко увлекаются идеями исламистских боевиков с Ближнего Востока [7, 15]. Однако и в самом ЕС сложности с интеграцией мигрантов приводят к формированию их изолированных общин, которые не контролируются органами власти. Наконец, мигранты начали свободно перемещаться по ЕС, создавая новые проблемы с адаптацией. Характерной иллюстрацией служит Бельгия, где оставшиеся вследствие структурных сдвигов в экономике во франкоязычной Валлонии без работы арабы-гастробайтеры переезжают во Фландрию, не зная нидерландского языка. В итоге для их детей, приходящих в школу, требуется разрабатывать специальные программы обучения.

Исследования стратегий африканских и арабских мигрантов показывают, что многие из них в принципе не планируют оседать в конкретном регионе ЕС, предпочитая раз в несколько лет перемещаться в новые города [26]. В конечном счете это подтасчивает единство Шенгенского пространства, тем более что страны-члены, ситуативно реагируя на наплыв беженцев, начинают самостоятельно решать проблемы с государствами, выступающими перевалочными базами (достаточно вспомнить популистское заявление федерального канцлера Германии А. Меркель о необходимости ускорить процедуру приема Турции в ЕС). При этом и у Турции, и у Марокко свои собственные интересы в диалоге с ЕС, далеко не всегда отвечающие интересам большинства стран-членов.

Заключение. Развитие европейской интеграции всегда сдерживалось наличием языковых и культурных барьеров. Огромные контрасты в уровне безработицы между,

с одной стороны, Германией и Австрией и, с другой стороны, Испанией и Грецией показывают, что свобода движения трудовых ресурсов в ЕС даже в условиях формально созданного Общего рынка остается ограниченной. Однако подлинную угрозу целостности ЕС как центра мировой экономической и политической силы в ближайшие пару десятилетий может создать обострение этнокультурных проблем. Особую угрозу представляют сепаратизм крупных регионов, имеющих

меньшие права по сравнению с малыми странами-членами, и ставшие неконтролируемыми потоки внешних мигрантов, представляющих преимущественно иную этнокультурную среду. Если в кратчайшие сроки страны-члены ЕС не смогут выработать новую единую политику в отношении этих проблем, долгое время считавшихся преимущественно экономическими, они столкнутся с серьезными негативными политическими и социальными последствиями.

Библиографический список

1. Абрамова И.О., Бессонов С.А. «Арабская весна» и трансграничные миграции // Азия и Африка сегодня. – 2012. – № 6. – С. 10–17; № 7. – С. 10–15.
2. Андреева Т.Н. Внутри- и внешнеполитические аспекты проблемы независимости Шотландии // Мировая экономика и международные отношения. – 2014. – № 6. – С. 65–74.
3. Баранов А.В. Факторы и политические стратегии сепаратистского движения в современной Каталонии // Европа. – 2014. – № 13. – С. 108–118.
4. Верников В.Л. Каталония в поисках независимости // Современная Европа. – 2015. – № 2. – С. 61–71.
5. Володина М.А. Берберы Северной Африки: культурная и политическая эволюция (на примере Марокко). – М.: ИМЭМО РАН, 2011. – 112 с.
6. Выборы в Европейский парламент 2014: итоги и перспективы: сборник статей / Отв. ред. В.Я. Швейцер. – М.: Институт Европы РАН, 2014. – 224 с.
7. Добаев И.П. Исламизация Европы: миф или реальная угроза? // Мировая экономика и международные отношения. – 2008. – № 4. – С. 50–56.
8. Елманова Д.С. Фламандско-валлонские взаимоотношения: конфликт или стимул развития Бельгии? // Региональные исследования. – 2010. – № 4. – С. 76–82.
9. Каргалова М.В. Европа: цыганы шумно толпой... (цыганский вопрос в Европе) // Современная Европа. – 2011. – № 4. – С. 18–27.
10. Кузнецова А.В. Языковые барьеры в Европейском Союзе // Мировое развитие. – 2013. – Выпуск 9. – С. 101–110.
11. Миграционные проблемы в Европе и пути их решения / Под ред. Н.Б. Кондратьевой, О.Ю. Потемкиной. – М.: Институт Европы РАН, 2015. – 144 с.
12. Садыкова Л.Р. Политика Германии в отношении мусульманских сообществ // Вестник МГИМО-Университета. – 2014. – № 6. – С. 174–181.
13. Перегудов С.П., Семененко И.С. Референдум о независимости Шотландии и проблемы британской государственности // Мировая экономика и международные отношения. – 2015. – № 3. – С. 64–75.
14. Хенкин С.М. Мусульмане в Испании: проблемы адаптации // Мировая экономика и международные отношения. – 2008. – № 3. – С. 48–58.
15. Яшлавский А.Э. Джихадисты из Европы на Ближнем Востоке: скрытая и явная угроза // Мировая экономика и международные отношения. – 2015. – № 10. – С. 18–29.
16. Castles S. Why Migration Policies Fail // Ethnic and Racial Studies. – 2004. – Vol. 27. – № 2. – P. 205–227.
17. Comparative European Research in Migration, Diversity and Identities / Ed. by W. Boswick, Ch. Husband. – Bilbao: University of Deusto, 2005. – 181 p.
18. European Yearbook of Minority Issues. Volume 10, 2011. – Leiden & Boston: Martinus Nijhoff Publishers, 2013. – 358 p.
19. Gang I.N., Rivera-Batiz L., Jun M.-S. Economic Strain, Ethnic Concentration and Attitudes Towards Foreigners in the European Union // IZA Discussion Paper. – 2002. – № 578. – 40 p.
20. Hooghe M. The Political Crisis in Belgium (2007–2011): A Federal System without Federal Loyalty // Representation. – 2012. – Vol. 48. – № 1. – P. 131–138.
21. Huber P., Tondl G. Migration and Regional Convergence in the European Union // WIFO Working Papers. – 2012. – № 419. – 35 p.
22. Huysmans J. The European Union and the Securitization of Migration // Journal of Common Market Studies. – 2000. – Vol. 38. – № 5. – P. 751–777.
23. Luedtke A. Uncovering European Union Immigration Legislation: Policy Dynamics and Outcomes // International Migration. – 2011. – Vol. 49. – Issue 2. – P. 1–27.
24. Over 210 000 first time asylum seekers in the EU in the second quarter of 2015 // Eurostat Newsrelease. – 2015. – № 163. Available at: <http://ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/6996925/3-18092015-BP-EN.pdf/b0377f79-f06d-4263-aa5b-cc9b4f6a838f>
25. Regions in the European Union. Nomenclature of Territorial Units for Statistics – NUTS 2013/EU-28. Available at: <http://ec.europa.eu/eurostat/web/products-manuals-and-guidelines/-/KS-GQ-14-006>
26. Shapendonk J. Turbulent Trajectories: African Migrants on Their Way to the European Union // Societies. – 2012. – Vol. 2. – Issue 2. – P. 27–41.
27. Waterbury M.A. From Irredentism to Diaspora Politics: States and Transborder Ethnic Groups in Eastern Europe // Global Migration and Transnational Politics. – 2009. – Working Paper № 6. – 11 p.
28. Wiesbrock A. The Integration of Immigrants in Sweden: a Model for the European Union? // International Migration. – 2011. – Vol. 49. – Issue 4. – P. 48–66.